

Просветитель по убеждению

*Л.Н. Краснопольская¹, И.Г. Минкевич²
(Интервью взял В.В. Птушенко³)*

¹ Институт философии РАН, Москва, Россия;

Пушкинский государственный естественно-научный институт, Пушкино, Россия

² ФИЦ Пушкинский научный центр биологических исследований РАН, Россия

³ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Институт биохимической физики имени Н.М. Эмануэля РАН, Москва, Россия;

ptush@belozersky.msu.ru

Любовь Наумовна Краснопольская и Игорь Георгиевич Минкевич — выпускники МГУ, жители Пушкино с конца 1960-х гг. Л.Н., к. философ. н., доцент, много лет вела занятия по философским курсам для аспирантов академических институтов, магистрантов ПушГУ и филиала МГУ в Пушкино; И.Г., д. ф.-м. н., ведущий научный сотрудник Института биохимии и физиологии микроорганизмов Пушкинского научного центра с 1969 г. В публикуемой здесь беседе они рассказывают о первых встречах с С.Э. Шнолем на физфаке МГУ и о последующем общении в Пушкино. Среди главных черт С.Э. Шноля были его доброжелательность и принципиальная просветительская позиция — понимание просвещения как пути к достижению социального мира. В Пушкино С.Э. Шноль не только читал публичные лекции, но и создал уникальную систему образования, дополняющего стандартное школьное образование. Также Л.Н. вспоминает удивительный семейный союз С.Э. Шноля и М.Н. Кондрашовой, продлившийся более 70 лет.

Ключевые слова: семинары кафедры биофизики, колебания в биологии, «Интеллектуальный потенциал науки — в школу», Московский университет, М.Н. Кондрашова.

И.Г. Минкевич — Для меня Шноль был фигурой знаковой, давно уже, задолго до того, как я оказался в Пушкино. Я был студентом, а он работал на кафедре биофизики физфака.

В.В. Птушенко — Вы его помните еще с тех пор?

И.Г. — Да. Однажды мой научный руководитель Юрий Михайлович Романовский¹ сказал мне: «Расскажи на семинаре, чем ты занимаешься». Дело в том, что наша кафедра — кафедра общей физики для механико-математического факультета, переименованная впоследствии в кафедру общей физики и волновых процессов, — очень дружила с кафедрой биофизики. Они проводили совместные семинары, на них делались доклады на самые разные темы — это было что-то интереснейшее. Докладывались и люди с наших двух кафедр, и приглашали людей со стороны. Вот пример, какая там была обстановка. Дмитрий Сергеевич Чернавский² — он работал тогда в ФИАНе, но читал лекции на физфаке, приходил и на семинары. И вот сидим мы как-то в аудитории на пятом этаже... большая такая аудитория.

В.В. — Малая физическая, наверное?

И.Г. — Да, малая физическая. И Дмитрий Сергеевич говорит Шнолю: «Сима, куда ты дел Блюма?» Блюменфельда то есть.

И вот мне сказали сделать доклад на этом семинаре. Доклад я сделал плохо. А Шноль, между прочим, был очень доброжелательным. Бывают же, знаете, и такие люди, что тебя просто размажут. Но я таким не попадался, повезло. А Шноль, пытаясь меня поддержать, сказал: «Вы нам все очень интересно рассказали — что вот есть микробы, и они такие ма-а-ленькие... Приятно слушать педагога!» Это было сказано и весело, и по-доброму.

Потом больше мы с ним общались здесь, в Пушкино. Он вообще был очень увлеченный человек. Во-первых, у него была любимая тема — колебания, которые он искал везде, начиная с биохимических процессов. И он все время рассказывал об этом, проводил эту мысль, что они везде, повсюду. Во-вторых, и в общественной жизни института он делал очень много. Я помню, как, например, отмечалась какая-то круглая дата Института биофизики. Мы тоже там были. Это было в большом зале, на четвертом этаже. Там были и доклады, и что-то вроде капустника — они делали какую-то интересную постановку. Но началось все с того, что Шноль, сидя где-то за сценой, вел рассказ. Просто рассказ, об истории их института — не официальный, а, скорее, романтический. Он вспоминал старое время, когда они только начинали свою жизнь в Пушкино. Как они шли на работу мимо ивы, которая растет в зеленой зоне. Эта ива есть и до сих пор, она уже состарилась, ее спилили в 2004-м, но от нее пошли молодые побеги, и вот она там снова — такая многоствольная, встречающая уже новое поколение ученых.

Симон Эльевич всегда был открытым человеком. Одно время я, заинтересовавшись его идеями насчет, если так можно сказать, всеобщего присутствия колебаний, предложил ему поработать с его данными — может быть, я тут что-то смогу посчитать, найти. И он мне сразу дал несколько своих файлов с данными. Увы, мне не удалось довести их анализ до качественно новых результатов из-за загрузки основной работой. Но Шноль был готов делиться данными и обсуждать их, в нем совершенно не было такой черты — что-то спрятать. И, конечно, у него всегда было уважение к окружающим. Однажды был такой эпизод. Я на лыжах сломал себе руку. Был в гипсе и как-то пришел в Дом ученых. Шноль меня увидел — сразу спросил, что случилось. Я ему объясняю, что так, мол, и так. «Да, это Вы героически...» —

¹ Романовский Юрий Михайлович (1929–2022) — профессор МГУ, специалист в области математической биофизики. (Здесь и далее — прим. В. Птушенко)

² Чернавский Дмитрий Сергеевич (1926–2016) — основатель сектора теоретической биофизики в ФИАН, специалист в области синергетики, теории информации и др.

сказал он совершенно серьезно. Хотя, конечно, никакого героизма там не было, просто моя невнимательность на лыжне.

В.В. — Я неоднократно слышал о том, что Симон Эльевич Шноль играл очень большую роль в жизни всего Пушкинского научного городка. Вы могли бы что-то рассказать об этом подробнее?

И.Г. — Да, он очень активно участвовал в преподавании для школьников. Но об этом лучше расскажет Любовь Наумовна.

Л.Н. Краснопольская — Кстати, в этом деле его правой рукой была Ольга Федоровна Жиронкина, с которой Вы знакомы. Может быть, лучше она сама Вам расскажет. «Интеллектуальный потенциал науки — в школу» — так они сами называли свой «проект», как сейчас говорят.

Вы слышали вчера рассказ Г.Р. Иваницкого³, как сюда в начале шестидесятых приехали работать люди — молодые, красивые, 30-летние, у них дети, детям нужно учиться в школе. В городе была единственная школа, и преподавание там — не очень. Но вот эти научные сотрудники, энтузиасты, не пошли жаловаться на учителей, на директора — нет, они сами пришли в школу. Пришли ученые. Тот же Симон Эльевич привел своего аспиранта Витю, Виктора Николаевича Морозова. Вы вчера слышали на конференции, как его хвалил Маевский; к сожалению, Виктора уже нет в живых. Он показывал блестящие опыты по физике. Дети просто балдели — простите за жаргонное слово.

Аудитория проекта росла. В 1970 г. в Пушкино открылась экспериментальная средняя школа (сейчас — гимназия «Пушино»), в 1977-м — школа № 3. Симон Эльевич продолжал быть душой и мотором проекта. Его «правой рукой», верным соратником была Ольга Федоровна, потомственный педагог, математик. Лекции школьникам читали и наши, и приглашенные ученые. По инициативе того же Симона Эльевича в проект включили и гуманитарную составляющую.

Собирали школьников в каком-нибудь ведущем институте или Доме Ученых. И дети в итоге не только слушали лекции, но и знакомились с институтом. Опыт пушкинских ученых обсуждали на всесоюзных семинарах учителей, проходивших в нашем городе. В своем докладе на конференции «Верные рыцари науки» Генрих Романович Иваницкий назвал Симона Эльевича «златоустом» — и это правда, у него был дар говорить. Он чувствовал слово. Даже если ты совсем не знаешь обсуждаемого вопроса, то, когда ты слушаешь его, ты все понимаешь.

На мой взгляд, он был просветителем по убеждению. Я была еще совсем молодым преподавателем. Приехала в Пушкино, работаю в кабинете философии, который состоит в уникальной организации — вероятно, единственная в Советском Союзе организация такого рода: Дирекция научного центра. Это такой холдинг, на нынешнем новоязе, который объединял аппарат Президиума, т. е. руководящие кадры НЦБИ, детские сады, автобазу, РСУ (ремонтно-строительное управление), отдел благоустройства, отдел дорог, кабинет философии и отделение кафедр иностранных языков. Такая замечательная организация! Это все размещалось в двух административных зданиях напротив пустыря, напротив гостиницы (сейчас они уже не только административные). Там есть большой зал, в котором проходили заседания.

³ Иваницкий Генрих Романович, биофизик, директор Пушкинского научного центра (1974–1985), Института биологической физики АН СССР (1976–1987) и Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН (2001–2015).

И вот в этом большом зале собираются сотрудники этих разношерстных отделов дирекции, или даже, может быть, только отдел дорог, или отдел озеленения. И Симон Эльевич приходит к нам. И рассказывает — что-то об истории биологии в России. Очень интересно рассказывает. Слушают люди, у которых может быть четыре класса образования. Все слушают, затаив дыхание. Выходят все счастливые. А я бегая за ним, чтобы ничего не пропустить, учусь у него чувствовать аудиторию, ее реакцию на слово лектора. Мы едва знакомы. Но, в конце концов, спрашиваю его: «Симон Эльевич, как это так, Вы тратите сколько времени, столько усилий, чтобы подготовиться к такой лекции — чтобы она была на высоком научном уровне, чтобы комар носа не подточил и чтобы при этом поняли люди из отдела дорог и отдела озеленения!..» А он мне отвечает: «А Вы знаете, какое самое главное противоречие Пушкино?» Я хлопаю глазами. «Они и мы, — говорит Симон Эльевич. — Для нас “они” — это “обслуга”. Те, кого здесь сейчас много, кто приехал сюда из разных губерний — Костромской, Ивановской, Владимирской, те, кто строил Пушкино, те, кто сейчас убирает, озеленяет, моет улицы, моет машины, водит автобусы. А “мы” — это ученые. А они, наоборот, считают: “мы” — это те, которые этот город построили, которые за ним ухаживают. А эти “они” — бездельники-ученые, которые в халатах сидят на работе, читают книжки, что-то там капают, отдыхают и опять книжки читают. Единственное их превосходство над нами — это то, что у них спирта много, а у нас нет. И чтобы снять это противоречие, чтобы эти люди поняли, во имя кого и чего они строили этот город и теперь его берегут, и что мы одна семья — вот для этого я и хожу сюда, читаю эти лекции». Понимаете, вот во что он совершенно искренне верил! Я не знаю, кому-нибудь еще он об этом говорил или нет, но для меня это было потрясюще. Наверно, именно после этого разговора я поняла то, в чем абсолютно уверена сейчас: Симон Эльевич умел видеть дальше и больше многих из нас, лучше многих понимать происходящее и самоотверженно отстаивать свои взгляды.

Был еще такой эпизод, характеризующий не только Симона Эльевича, но и все сообщество этих замечательных ученых, пионеров Пушкинского научного центра. Когда я просила их почитать лекции аспирантам — потому что думала, что те, кто приезжает в Пушкино, должны как-то погрузиться хоть чуть-чуть в Пушкино. Приглашала и Молчанова⁴, и Симона Эльевича, и других ученых, и никто из них ни разу не отказал. Причем это было добровольно. Я пыталась через общество «Знание» заплатить им — 5 рублей можно было заплатить профессору за лекцию. Когда они это узнали, то запротестовали, им моя идея не понравилась, а Молчанов сказал: «Единственное условие — чтобы вход и выход был свободен».

Много лет Симон Эльевич читал лекции по истории биологии магистрантам Пушкинского университета. То, что он ездил читать лекции в МГУ, Вы хорошо знаете. Четверг, день отъезда, у него был святой день. Многие знали, если нужно встретить Симона Эльевича и поговорить с ним тет-а-тет, то надо подойти рано утром к автобусной остановке около магазина «Зайчик». Иногда приходилось и мне этим пользоваться. На обратном пути поймать его было сложнее, он поздно приезжал. Отношение к университету у него было просто трепетным. На встрече выпускников

⁴ Молчанов Альберт Макарьевич (1928–2011), организатор и директор Научно-исследовательского вычислительного центра АН СССР — Института математических проблем биологии РАН (1972–1998).

МГУ в Пушкино 12 марта 2005 г. он сказал: «Самое главное в нашей жизни случилось тогда, когда мы увидели себя в списке зачисленных в МГУ. Все остальное было уже потом». Если была встреча выпускников МГУ и он обещал, что приедет во столько-то, то всегда приезжал именно в это время. У него была исключительная обязательность. Возвращаясь к лекциям в ПушГУ: слушатели должны были писать рефераты, а Симон Эльевич последние два занятия посвящал анализу этих сочинений. Он их внимательно читал!!! И его содержательные комментарии, доброжелательная критика дополняли не только отдельный реферат, но и весь учебный курс.

К своим ученикам он и его супруга, Мария Николаевна Кондрашова, относились внимательно, заботливо. Дай Бог бы каждому таких научных руководителей! Если у Вас будет возможность, поговорите с Марией Тутукиной⁵, она в Институте биофизики работала, была аспиранткой, одной из любимых учениц Марии Николаевны и почти что членом семьи. В Интернете мог сохраниться ее пост 2020 г., посвященный памяти Марии Николаевны.

Вспоминается, как мы ездили в совхоз. Тогда возили научных сотрудников на работу в колхозы, совхозы. И некоторые пушинские завлабы ездили со своими лабораториями. Вот представьте, в автобус садится доктор наук Симон Эльвич Шноль. Подъезжаем от здания Дирекции НЦБИ⁶ к НИВЦу⁷, где работают его сын, его брат, — там садятся еще люди. Приезжаем в деревню Балково, где находится какое-то хранилище картофеля. Мы заходим. Туман, запах картошки, кучи картошки, которая валяется на земле. Выбегает женщина-бригадир и начинает кричать: «Куда эту науку навалили столько? Приехало два автобуса! Что я с вами делать буду?» Это нас привезли как бы в помощь совхозу, а она не знает, что с нами делать! И тут выходит математик, кандидат наук, Крюков Виталий Иванович (теперь отец Феофан из Даниловского монастыря)⁸, выходит Симон Эльевич, и начинают ее успокаивать. Два таких джентльмена, один невысокий, другой высокий: «Не волнуйтесь, сейчас мы все устроим». Они пересчитали ведра, расставили их в определенном порядке, рассадили нас вокруг — и работа пошла! Это тот же самый случай, что и со школьным образованием. Им и в голову не приходило ругаться с этой женщиной в этой нелепой и неприятной ситуации, они нашли человеческие слова и все сами решили.

И еще — вы, наверное, слышали: союз Симона Эльевича и Марии Николаевны был удивительный по силе чувств, по взаимопониманию, творческому сотрудничеству. Он всегда называл ее Муся Кондрашова. И всегда говорил тепло о ней.

И вот еще два эпизода. Уже в каком-то недавнем году — 2015 или 2016, до ковида, но уже близко — Симон Эльевич начал в Доме ученых (ДУ) цикл лекций по истории биологии. Он запланировал их много, на год. Я позвала туда своих учеников. К сожалению, ходили далеко не все, но всегда ходил один бывший мой ученик, научный сотрудник Института биологии клетки Сережа Киселев. И вот в один момент Симон Эльевич говорит, что у него не получится прочитать весь цикл —

⁵ Публикация воспоминаний М. Тутукиной запланирована в сборнике воспоминаний о С.Э. Шноле.

⁶ Пушкинский научный центр биологических исследований.

⁷ Научно-исследовательский вычислительный центр.

⁸ о. Феофан Крюков (о. Игнатий в схиме) скончался в 2024 г.

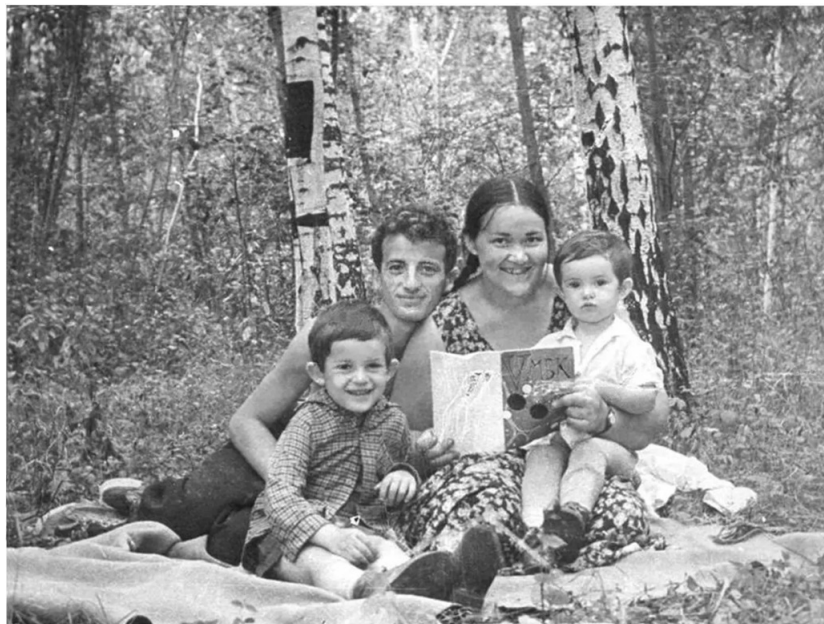

Рис. 1. С.Э. Шноль и М.Н. Кондрашова с детьми. Начало 1960-х гг.
Личный архив С.Э. Шноля

Fig. 1. S.E. Shnoll and M.N. Kondrashova with children. Early 1960s.
S.E. Shnoll's personal archives

сегодня будет последняя лекция. Видимо, он плохо себя чувствовал, и Мария Николаевна заболела — он это не говорил, но было понятно. Мы с Сережей в перерыве помчались в стоящий рядом с ДУ магазин купить цветы. Я хотела «миллион алых роз», но Сережа говорит: «Нет, давайте купим вот эти, рыжие». И когда Сережа пошел их вручать, Симон Эльевич... Если бы я умела снимать! У него было такое счастье на лице! И он произнес, прямо перед этой аудиторией в большой гостиной ДУ: «Вот такого цвета было платье на Мусе Кондрашовой, когда я ее увидел в первый раз...» Ну кто бы мог подумать! Человек, убежденный сединой, ему было уже под 90 лет! А он стоял с таким просветленным лицом — как будто был перед нами влюбленный юноша...

Мария Николаевна сильно хворала в последние годы, плохо ходила. Я сама редко выходила из дома, но несколько раз встречала их. У нас есть обелиск в парке Победы, когда спускаешься к реке, там прекрасный вид. Наверное, ей было трудно спуститься. Но возле обелиска была скамейка. И вот я возвращаюсь с вечерней службы в храм, лето, закат, Мария Николаевна сидит на этой скамейке, а Симон Эльевич возле нее стоит как верный рыцарь. И ровно такую же картину я видела позже, когда Мария Николаевна совсем плохо ходила, возле их дома. Тоже лавочка, несколько ступенек, Мария Николаевна сидит, и Симон Эльевич стоит рядом.

Он недолго прожил после Марии Николаевны. Они были как одно целое. А они, напоминаю, ведь еще были коллегами, работали вместе постоянно.

Одна из наших последних встреч с Симоном Эльевичем была в феврале 2020 г., еще до ковида. Был сильный гололед. Я зашла в магазин — недалеко от нас, на

Рис. 2. М.Н. Кондрашова, С.Э. Шноль. Начало 2000-х гг. // Личный архив С.Э. Шноля

Fig. 2. M.N. Kondrashova, S.E. Shnoll. Early 2000s (S.E. Shnoll's personal archives)

«Арбате»⁹ в «АБ»¹⁰. Я захожу туда, а Симон Эльевич на столике уже упаковывает продукты. Естественно, я подошла, поздоровалась. Вижу, что он с палочкой. Спрашиваю, не помочь ли ему дойти. Гололед ужасный. Он сказал — нет. Потом посмотрел на меня и улыбнулся: «Время так течет! Мы так все меняемся...» И так улыбнулся — по-доброму, понимаете! Мы вышли вместе из магазина. Еще раз спросила: «Симон Эльевич, можно я Вас провожу?» Он отказался и пошел наискосок. Я смотрела, как он шел. Очень тихо, очень осторожно. Нелегко. С этой палочкой. Он нес на спине тяжелый рюкзак. Когда Мария Николаевна заболела, то, как я понимаю, он все взял на себя. Я его нередко видела на бульваре с продуктовыми покупками. И наши продавщицы, простые женщины, на маленьком рынке, оплакивали и Марию Николаевну, и его. Они хорошо знали Симона Эльевича, который регулярно приходил и покупал что-то на летних «развалах», они для него что-то нужное оставляли. Летом 2021-го Симон Эльевич вряд ли приходил за покупками... И однажды во второй половине сентября продавщица Лена меня даже спросила: «А вот такой-то человек, что с ним, почему не приходит?» Когда я сказала, что он ушел из жизни 11 сентября, она искренне горевала, потому что он был настолько обаятельным, просто чувствовалась его доброта. И в нем всегда проявлялась какая-то заботливость, даже в шутках.

Еще в молодости, когда на месте «Пятерочки» на «Арбате» в микрорайоне «В» был овощной магазин, и привозили капусту со здешних полей, машина разгружала эту капусту прямо у входа в магазин. Прохожу мимо, а там уже многие пущинцы побывали. Я смотрю, какая эта капуста, не нравится она мне. Тут же замечаю в середине этой кучи Симона Эльевича, который прямо там сидит и выбирает. Видит,

⁹ Пешеходная зона в Пущино, официально — бульвар Иерусалимского и бульвар А.Г. Насибуллина.

¹⁰ Район города Пущино.

что я смущаюсь, не беру, и говорит мне: «А напрасно. Капуста, любая, это жизнь! В ней вся ботаника!»

И.Г. — К сказанному моей женой я хотел бы добавить еще два момента. Во-первых, Симон Эльевич не только читал лекции по истории биологии и о новых и очень интересных аспектах современной биологии студентам в аудитории. Многие его лекции записаны, и их можно увидеть и услышать в Интернете. Особо следует упомянуть цикл автобиографических телефильмов «Шноль от 0 до 80», в которых Симон Эльевич рассказал о своей жизни и окружавших ее событиях и людях. Его рассказы всегда звучали вдохновенно, мастерски и никогда не были затянуты или перегружены. А во-вторых, помимо своих научных трудов он написал книгу, которая в первых своих изданиях называлась «Герои и злодеи отечественной науки». Книга выдержала несколько изданий, Симон Эльевич постоянно ее совершенствовал, и в конце концов она издавалась уже под названием «Герои, злодеи и конформисты отечественной науки».

Наконец, последнее. Мы не знаем, когда именно Симон Эльевич принял решение, но, когда мы с ним прощались, его отпевали в пушчинском храме архангела Михаила. На прощание пришло много людей — очень многие знали его и любили.

The Enlightener by conviction

LUBOV N. KRASNOPOLSKAYA¹, IGOR G. MINKEVICH²
(THE INTERVIEW WAS CONDUCTED BY VASILY V. PTUSHENKO³)

¹ Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Pushchino State Natural Science Institute (PushchGENI), Pushchino, Moscow region, Russia

² G.K. Skryabin Institute of Biochemistry and Physiology of Mikroorganisms, Pushchino Center for Biological Research of the Russian Academy of Sciences, Pushchino, Moscow region, Russia

³ M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

N.M. Emanuel Institute of Biochemical Physics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ptush@belozersky.msu.ru

Lubov Naumovna Krasnopolskaya and Igor Georgievich Minkevich are graduates of Moscow State University (MSU) and have been residents of Pushchino since the late 1960s. L.N. Krasnopolskaya holds a Ph.D. in Philosophy and is an Associate Professor. For many years, she has taught philosophy courses to graduate students from academic institutions, as well as to students at Pushchino State University and the MSU Branch in Pushchino. I.G. Minkevich is a Doctor of Physical and Mathematical Sciences and has been a leading researcher at the Institute of Biochemistry and Physiology of Microorganisms at the Pushchino Scientific Center since 1969. In the conversation presented here, L.N. and I.G. recount their first encounters with S.E. Shnoll at the MSU Faculty of Physics and their subsequent communications in Pushchino. Among the key qualities of S.E. Shnoll were his kindness and his principled approach to enlightenment, which he viewed as a path to achieving social peace. In Pushchino, S.E. Shnoll not only delivered public lectures but also created a unique educational system that complemented traditional school education. L.N. also reflects on the remarkable lifelong partnership between S.E. Shnoll and M.N. Kondrashova, which lasted for over 70 years.

Keywords: seminars of the Department of Biophysics, fluctuations in biology, “Intellectual potential of science for schools”, Moscow University, M.N. Kondrashova.